

Олейник Борюк

20.02.93

Читатели «Правды» первыми познакомились с отрывками из работы Бориса Олейника, названной автором вначале «...». И увидел я другого зверя, или Два года в Кремле. Потом одно за другим издательства — экстренно, вне всяких планов — стали выпускать книгу. Тиражирование, однако, лишь увеличивало спрос. И неспроста. Одним из побудительных мотивов создания «Двух лет в Кремле» автор считает... почти магический ужас, страх, что Горбачев после всего, что мы благодаря ему имеем, ослепленный позавчерашними иллюзиями и не ощущающий реальной почвы под ногами, мог бы вновь рвануться к власти. Опасность беспредела такого рода, конечно же, передается книгой. Впрочем, отношение к ней, к ее автору формируется не только читательским сознанием как таковым. Ему услужливо «помогают» благожелатели с газетных страниц и из эфира. Не погнушался приложить руку и сам «князь тьмы». Это-то и вынудило Б. Олейника воспользоваться правом «авторского послесловия», предлагаемого сегодня читателям.

Конечно, не всем понравится сказанное Б. Олейником. Но человек, который в отличие от многих своих коллег уже по несколько раз в угоду конъюнктуре переделывал свои политические позиции и взгляды, остается верным своим принципам и убеждениям, такой человек, согласитесь, имеет моральное право ответить так, как считает нужным. Тем более что он — едва ли не единственный на Украине писатель такого ранга — не свернул с избранной линии жизни, несмотря на то, что в 60-е годы за это доносили на него как на «националиста», в 80-е — как на «национал-коммуниста», а ныне доносят новым властям как на «интернационалиста». Однако Борис Ильич не из трусливого десятка. И если уж он в самый разгул «охоты на ведьм» 26 августа 1991 года, когда уже составлялись списки на «Бей коммунизм!», не побоялся бросить в разъяренную толпу «защитников Белого дома»: «Не отрекись!», то еще раз согласиться — этот человек вправе рассчитывать на уважительное отношение даже в среде самых яростных противников, если, конечно, они честные противники. Вот почему он дает свой ответ.

ПРЕЖДЕ всего уточню: книга в первом издании вышла не под авторским названием и в сокращенном варианте. Первые же оценки были даны даже не ему, а газетным фрагментам. Очевидно, это и дало возможность заинтересованным лицам, в том числе и М. Горбачеву, трактовать их как целое, с выгодными себе, скорее подметными выгодами. Но с какой целью, Михаил Сергеевич? Не с той ли, чтобы превентивно пригнать и «образумить» автора? К сожалению, спонсоры в очередной раз подвели вас.

Ваш и некоторых ваших апологетов намеки насчет какого-то особого моего состояния в период работы над книгой — выдаются с головы авторов сих весьма прозрачных догадок. «Что-то слышится родное» из тех недавних времен, когда негодных квалифицировали как, мягко говоря, отклоняющихся от нормы.

Скорее мне бы надлежало усомниться в душевном равновесии некоторых моих оппонентов, ибо они приписывают мне то, чего я и не говорил, и даже в мыслях не имел. Да и неких дам, брызжащих полублатным аргументом, мог бы заподозрить в определенных органических изменениях. Но я, к счастью, никогда не сумею «подняться» до их морально-этического уровня.

Так что лично мое состояние (коль оно вас интересует), как по тем, так и по нынешним временам, — одинаково одинаковое, то есть, как всегда, «в полевых условиях». Правда, если не считать одного «ноу хау» — вашими молльбами меня, вместе с... Постойте: сколько же нас? Сущих, кажется, миллионов 16. А если причислить и павших? Где-то около трех десятков миллионов наберется.

Так вот, единственное «ноу хау» состоит в том, Михаил Сергеевич, что меня вкупе с этими десятками миллионов облачили... в красно-коричневую униформу. Ума не приложу: где они при нашей-то бедности, когда у вас и бывшие стюарды поехали на шаровары да тенниски, где они взяли столько материала? Не из старых ли... лагерных запасов? Вот так и хожу, радостный в

красно-коричневой робе и думаю, что же вы имели в виду, глаголя: «И стояли люди перед смертью или перед костром, и говорили, что она все-таки вернется. А тут что?».

Если вы в аналогии себе взяли Галилея (как перед этим — де Голля), то сей великий ученый и муж, отступив перед костром, не стал отступником, поскольку «она все-таки вернется». То есть он отступился от костра, но не от объективной истины, следовательно, не остановил Земли вращения.

Когда же вы отступились, то за этим последовало... сами видите и знаете — что. По крайней мере несколько миллионов, которых вы бросили на произвол судьбы, перед внутренним взором «радикалов» ныне дефилируют в красно-коричневом.

Борис ОЛЕЙНИК:

Так кто же, извините, ху?

Газетное послесловие к книге «Князь тьмы»

Пожалуй — еще раз подчеркну — пожалуй, самый тяжкий грех состоит в том, что именно при вашем правлении извечные морально-этические критерии перевернуты с ног на голову. Когда отступивший обвиняет предавшего чуть ли не в отступничестве. Самое поразительное, что «потемнение в умах» охватило и честных, но наивных людей, которые возмущаются: как же мог человек, работавший вместе с Михаилом Сергеевичем, такое о нем написать?

Словно это не Горбачев, а я отступился от миллионов коммунистов. Словно это я, а не Михаил Сергеевич, когда мы выискивали гроши на ликвидацию последствий Чернобыля, — цинично строил себе замок в Форосе, на который по ныншним ценам ушли миллиарды. Между прочим, сумма расходов и донные сохраняются в тайне. Словно это я, а не Горбачев изменил общественно-политический строй. Словно это не Михаил Сергеевич, а я искалечил судьбы миллионов людей. Словно это я, а не Горбачев засадил в «Матросскую тишину» своих самых близких соратников, среди которых и друг юности, чуть ли не одноклассник Михаил Сергеевич. Словно это не экс-президент, а я принял звание «почетного гражданина Берлина», принял после того, как из списка почетных граждан были вычеркнуты великие маршалы и воины, победившие фашизм. Не перевернутся ли в гробах и братских могилах миллионы солдат, павших за правое дело? Словно это «благодаря» моей а не горбачевской непоследовательности взорвался Карабах сдетонировавший кровавые межнациональные распри. Словно это «благодаря» мне, а не моему визави пошел по миру уже свыше миллиона беженцев. Словно это я, а не экс-президент пустил с сумою за черту бедности по меньшей мере 80 процентов сограждан.

КАСАТЕЛЬНО же того, что я обо всем этом сказал поздно, объяснюсь посредством исторического аналога.

В IV веке н. э. в Риме уже победил христианство. Флавий Клавдий Юлиан (331—363), будучи в душе отпетым язычником, в борьбе за скипетр прикинулся ревностным христианином и на плечах верующих взлез на трон. И буквально на второй день, сбросив личину, начал гонения на христиан.

Скажите, могу ли я обвинять христиан Рима в том, что они поздно уяснили, с кем имеют дело?

Скажите, могу ли я обвинять миллионы поверивших Горбачеву, который ежедневно крестился «социалистическим выбором»? Кто же на первых порах знал, что он в душе язычник, то есть приверженец совсем другого выбора?

Флавий Клавдий Юлиан вошел в историю под именем Юлиана Отступника. Но ведь содеянное последним несравнимо по глобальности обвала с учиненным Михаилом Отступником.

Пожоже, вы намекаете, что я, как бывший «большой друг» и чуть ли не друг семьи, отступился. Ей-богу, не возьму в толк: или

вы действительно пребываете в иррациональном состоянии, или и донные имитируете таковое?!

Да, я, по наивности, безраздельно уверовав, до конца, даже после Фороса, в меру своих скромных сил и возможностей пытался хоть чем-то помочь вам как человеку. Но...

Оказалось — и это свидетельствуют бывшие соратники — у вас никогда не было друзей. Начисто лишенный чувства товарищества, вы даже ближайших использовали всего лишь как материал, как средство для достижения определенных целей. Материал, который по мере ненадобности с холодной жестокостью отбрасывали, так же холодно подыскивая новый, подходящий по одному вам известному целесообразности и конъюнктуре. А уже в финальной ча-

Правда. - 1993. - 2 февр.

сти своей деятельности отбросили за ненадобностью «материал», состоящий из 16 миллионов живых человеческих судеб. Скажите после всего этого: можно ли отступить от... отступника?

НЕТ, Михаил Сергеевич, вы ушли за черту Добра. Между нами — непроходимое поле, где лежат павшие за Добро, погребенные и еще не преданные земле, от которых вы отступились, отдав их кости и могилы на поругание ныншним бесам. Вы отступились и от живых, украв у них смысл жизни, прошлое, настоящее и будущее.

И вот один из этих миллионов, облаченный благодаря вам в красно-коричневую робу, смотрю на вас через поле отчуждения, через долину смерти и в который раз спрашиваю себя, людей, время и космос:

«Так кто же вы и зачем пришли в этот мир?»

Касаательно же вымыслов насчет «друга семьи», то это лишь еще раз подчеркивает ваш моральный статус. Вы же ведь сами в одной из телебесед утверждали, что порог вашего жилища слишком высок для кого бы то ни было, что вы никого к себе и близко не подпускали.

А вообще-то ниже мужского достоинства — впутывать хотя бы родных и близких в крутое дело политики. Но, похоже, вы и семью способны использовать как материал, как средство для достижения определенных целей...

ЕЩЕ раз скажу: меня уже где-то лет двадцать не волнует, а ныне и подавно не взволнует так называемое «общественное мнение», ибо как журналист ведаю, кем и как оно иногда организовывается.

Естественно, после выхода книги я должен был попасть под «обстрел» определенных рупоров (они сами теперь обозначаются). Нормальные читатели (а их преимущественно большинство), и книга написана для них), конечно же, разберутся, что к чему, и — прежде всего — в том, что автор лишь использует откровение Иоанна Богослова как параллельное объяснение темных мест в совершившемся и совершающемся.

Надеюсь, нормальный читатель понимает, что и «второй зверь», и давший ему силу — необязательно по своему происхождению из ветхозаветных и новозаветных полей, а, вполне возможно, — из реального мира сего. Последний тезис вызовет особо яростные нападки. Но умудренный опытом читатель уже сам вычислит: как и в первом случае, эти определенные рупоры — одни и те же.

Недавно в «Гласности» опубликованы раздумья «Здоровье и власть» по поводу одноименной книги академика Евгения Ивановича Чазова. Уж кого-кого, а его-то, многие годы бывшего главврачом Кремля, обвинить в обскурантизме вряд ли кому удастся!

Об этом, к слову, говорит и автор раздумий В. Аскольдов: «Человек (т. е. Чазов. — Б. О.),

по самой натуре не терпящий мистики, ... по ходу повествования он тем не менее неоднократно возвращается к теме судьбы и рока (здесь и далее подчеркнуто мной. — Б. О.), который, казалось, поражающе одного за другим советских руководителей. Причем в наиболее ответственный период развития отношений нашей страны с США. Решались судьбы разрядки и разоружения.

Рейган на одной из пресс-конференций посмеивался: только я соберусь в Россию для бесед с их лидером, как тот умирает. И действительно, приехал он только после того, как умерли Л. Брежнев, Ю. Андропов, К. Черненко, а к власти пришел М. Горбачев».

Е. Чазов определяет эту цепь смертей как нелепые. Ю. Андропов,

например, во время прогулки в Крыму присел на гранитную скамейку, почувствовал озноб, затем у него с невероятной быстротой развилась флегмона, пришлось делать срочную операцию, после чего вскоре наступил исход.

Черненко, опять же в Крыму, в конце августа 83-го съел недоброкачественную рыбу. Острейшая токсикоинфекция вызвала сердечную и легочную недостаточность. Словом, из больницы Черненко вышел полным инвалидом.

После смерти Ю. Андропова (февраль 1984 г.) на то время самым сильным лидером, могущим претендовать на правопреемство, оставался Д. Устинов. Он умер в конце того же года. Чазов пишет: «Смерть Устинова была в определенной степени нелепой и оставила... много вопросов в отношении причин и характера заболевания. Осенью 1984 года состоялись совместные учения советских и чехословацких войск... В них принимали участие Устинов и министр обороны Чехословакии генерал Дзур. После возвращения с маневров Устинов почувствовал общее недомогание, появились небольшая лихорадка и изменения в легких... Удивительное совпадение — приблизительно в то же время, с такой же клинической картиной заболевания и генерал Дзур... Устинов, к сожалению, в дальнейшем погиб от нарастающей интоксикации».

Наверное, уж этот случай — почти одновременного заболевания двух военачальников с одинаковой клинической картиной — нельзя назвать «нелепой случайностью» или роком.

Скорее роком или превратностями судьбы можно было бы считать аварию, в которую попал сам Чазов. Но после всего сказанного почему-то вспоминается гибель Петра Машерова: ныне уже ясно, что это была не случайная автокатастрофа.

Упомянув о не очень мотивированных скачках в состоянии здоровья Л. Брежнева, которые отмечал Е. Чазов, когда периоды «неадекватности» астенического синдрома неоднократно перемежались у руководителя страны с периодами прояснения и проявлением незаурядной жизненной энергии, автор раздумий напоминает, что за рубежом разработана целая наука, прогнозирующая «закат и смену ответственных государственных деятелей... Насчитывает она немало лет. Не меньше лет насчитывает и «наука» устранения негодных влиятельных лиц, которые способны мешать чьим-то замыслам и тем самым расчищать путь другим».

Конечно, неисключенному читателю легко вообразить лежащее на поверхности: нож, пулю, пластиковую мину и прочее в том же духе. Но американские исследователи в книге «ЦРУ и культ разведки» свидетельствуют, что, кроме убийств, спецслужбы в свою «программу» включили также воздействия, которые вызывают «лишение способности, дегенерацию личности, ее дезинтеграцию, робо-

тизацию, необратимые изменения психики, мышления, включая и оккультные методы влияния на мозг. Программа получила название «Сверхконтроль над разумом».

Далее автор уже без обиняков свидетельствует: «Ученым известна группа лиц в Москве, которая в последние годы напряженно трудилась над практическим применением контроля над сознанием. Продолжая исследования ЦРУ, она могла испытывать на населении воздействие мощных излучателей, угнетающих биологические возможности организма. Их существование — не секрет. Видимо, их применяют и сейчас. Эти излучатели, действующие в микродиапазоне, плюс «бесконтактное» влияние (автор имеет в виду экстрасенсов, получивших опасно неограниченную телевозможность для массовых экспериментов), а также психотропы... помогали «расшистке», готовили переворот, который большинство народа должно было воспринять в стадном неведении».

Словом, и «первый», и «второй» зверь вкупе с их шефом, то есть с «князем тьмы», могут быть вполне реальными земными действующими лицами и исполнителями.

Резкое ухудшение здоровья недавних узников «Матросской тишины» подтверждает самые мрачные предположения. Уверен, что читатель догадывается, кого особенно страшит суд, на котором гзачеисты постараются рассказать все, как было.

Словом, многие из «темных» мест начинают проясняться. А с течением времени и вовсе станут ясными как божий день. В частности, и то, о чем спрашивает сам себя В. Аскольдов: «Каким образом они (экстрасенсы то есть) получили возможность, особенно через телевидение, подвергать все население страны регулярному воздействию подсознательного, не поддающегося контролю внушения... Практически в течение года, причем репашоного для судеб страны, нас «успокаивали», приводили в инертное состояние маги и чудодеев, получившие самую широкую в мире аудиторию. Что они внедряли в подсознание людей? Как в свете этих сеансов смотрятся ныне события годичной давности?»

Уверен: ответ скоро будет получен. Ибо нет ничего тайного, которое не стало бы явным.

Прошедший непохоту «школу 60-х» (время яростных преследований так называемых «националистов»), осмелев утверждать, что я по крайней мере догадываюсь не только, кто и зачем, но и кто — за кем. Дабы не забирать у читателей драгоценное время, просто оставлю им на будущее для ориентации опознавательные знаки на «кто» и «за кем».

Итак, повторю вкратце: «Литература, театры, кино — все будут изображать самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства».

И лишь немногие... будут догадываться или даже понимать, что происходит... но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать... (подчеркнуто мной. — Б. О.).

Как я и рассчитывал, первой в бой против моей книги, выпущив давнее предписание Даллеса, пошла радиостанция «Свобода». И это естественно: она ведь на балансе определенной службы. Между прочим, «Свобода» подала не только сигнал атаки, но и методологию ее развития. А смысл ее в том, чтобы поносить не книгу (ибо против документов не попрешь), а личность автора, где, опять же по Даллесу, все средства хороши.

Сигнал был принят соответствующими действующими лицами и исполнителями в определенных отечественных рупорах гласности.

Словом, уважаемые читатели, мы с вами в несколько раз сократили время, которое потребовалось бы для уяснения и «кто есть кто», и «кто — за кем». Теперь же вам значительно легче определить — «кто — за кем»: огневые точки обозначены.

С чем я вас и поздравляю.